

О дворянских родах Раевских и Урусовых, дружбе прадеда с Львом Толстым, аресте и гибели матери

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1490>

14 декабря 2012

Собеседник

Раевский Кирилл Сергеевич

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 14 декабря 2012 и опубликована 4 июня 2014.

Введение

Первая беседа с ученым посвящена его богатой родословной — Кирилл Сергеевич рассказывает о своих предках из рода Раевских и рода Урусовых, о судьбах близких и дальних родичей. Память о предках очень важна для нашего собеседника, который в интервью фактически выступает в амплу историка — собственная генеалогия была детально изучена им на документальном материале, о чем свидетельствуют отсылки к источникам; ученый упоминает очерки по истории своего рода, написанные им когда-то. Кирилл Сергеевич с восхищением вспоминает своего прадеда И.И. Раевского, который в 1891 году вдохновил своего близкого друга Л.Н. Толстого организовать кампанию в помощь голодающим; рассказывает о своих предках, принимавших участие в Отечественной войне 1812 года.

Ближе к концу беседы Кирилл Сергеевич обращается к событиям, случившимся уже на его памяти. Особое место занимает рассказ о трагической судьбе его матери Е.Ю. Урусовой, арестованной в 1935 году и расстрелянной в 1937-м, о бабушках и тетушках, которые взяли на себя заботу об осиротевшем мальчике.

Дмитрий Борисович Споров: В первую очередь, большое спасибо за то, что соглашаетесь с нами работать. Нам это очень ценно. Каждая беседа — праздник и подарок. И мне бы очень хотелось услышать от вас рассказ о той богатой семейной истории, о которой вы сейчас начали мне говорить, и о семье Раевских, и об Урусовых. Расскажите, кто были ваши предки.

Кирилл Сергеевич Раевский: Наша семья относится к древнему дворянству. Не самому древнему, может быть, мы, очевидно, не Рюриковичи. Хотя не так давно ко мне приходил один молодой человек по фамилии Сеславин. Он член Бородинского общества, но я тоже член Бородинского общества. Это общество потомков участников войны 1812 года. И этот самый Сеславин мне сказал: «Знаете, Кирилл Сергеевич, я веду такую работу — научно-генетическую». Он связан с какими-то молекулярными генетиками. «Мы с вами можем проверить». Взял у меня соскоб не соскоб...

Д.С.: Образец ДНК.

К.Р.: Скорее, отпечаток слизистой оболочки и отправил на молекулярно-генетический анализ, чтобы определить, отношусь я к Рюриковичам или нет. *(Смеется.)*

Д.С.: *(Смеется.)* Что показал соскоб?

Герб рода Раевских.

О своих предках-участниках войны 1812 года

К.Р.: Пока результата нет, но я думаю, и не будет, потому что он вообще человек не очень серьезный, мне кажется. Но не важно. Я в качестве преамбулы, пожалуй, вот что скажу. В связи с приближением годовщины 1812 года возникло предложение, которое исходило как раз от Бородинского общества, —

написать, материал составить о предках, которые были участниками Бородинского сражения в частности, и вообще Отечественной войны 1812 года. И я потратил довольно-таки много усилий и составил такой очерк. Он получился не очень большой, страниц, наверное, пятнадцать, но там некоторые иллюстрации даже были прибавлены. И все это было сделано для того, чтобы опубликовать в составе научного сборника. Судьба этого сборника мне неизвестна. Но я написал такой очерк под названием «Четыре фамилии моих предков в войне 1812 года». И какие же это четыре фамилии? Ну, две фамилии — это Раевские — род моего отца, Урусовы — род моей мамы. О них мы с вами уже немножко поговорили. А две другие фамилии — это вот кто: по линии моего отца один из Раевских, Иван Артемьевич Раевский, он родился в 1815 году, женился в 1835 году, когда ему было всего двадцать лет, на юной девушке, семнадцатилетней, которая звалась Катенька Бибилова. Тут определяется уже вторая фамилия, которая относится к моим предкам, — Бибиловы. Это очень большой род, тоже, кстати, татарского происхождения. Род, известный многими людьми, знаменитыми. Они имеют большие заслуги. А сейчас в этом роде существует профессор, доктор биологических наук, мой хороший знакомый, Николай Григорьевич Бибилов, прямой потомок. Это, собственно, может быть, не так важно. В Бородинском сражении их несколько человек участвовало, в частности, два брата: Дмитрий Гаврилович Бибилов и Павел Гаврилович Бибилов. И тот и другой были ранены, Павел Гаврилович даже был смертельно ранен. Его увезли с Бородинского сражения, как Багратиона, и он умер где-то по дороге в Вильно. И в Вильно, в Вильнюсе современном, находится его могила на военном каком-то кладбище. А Дмитрий Гаврилович Бибилов был совершенно юный человек, около двадцати лет ему было, когда он был в Бородинском сражении. Он прославился таким образом, что даже его подвиг, эпизод по крайней мере, вошел в художественную литературу. Есть такой рассказ, «Рука» называется. А смысл был в том, что он был послан — молодой офицер, адъютант — был послан с донесением к кому-то из военачальников, сейчас не помню, к кому. Может быть, к Милорадовичу, может быть, к Витгенштейну. Он доскакал до этой передовой позиции и должен что-то был крикнуть. Но кричать было бесполезно, потому что грохот орудий стоял такой, что слышно ничего не было. И тогда он поднял руку — такой был уговор, что если он поднимет руку, это будет означать, что он с донесением прибыл. И он поднял руку, но в этот же самый момент ядром ему оторвало эту руку. Тогда он поднял другую руку (*усмехаясь*), и этот второй уже сигнал был воспринят начальником, куда он приехал. И это описывается как раз в рассказе «Рука». Он остался жив, стал возвращаться верхом в свое, так сказать, исходное положение, но начал истекать кровью. И при ближайшем каком-то пункте, где он увидел, что там перевязывают раненого, сказал: вот, у меня рука. «А, давай-давай! Давай, дальше вали! Тут нам некогда с тобой заниматься». Он как-то осмелел, понимая, что у него выхода уже нет, сказал: «Ладно, я поеду, но только имейте в виду, что я — племянник Кутузова». Тогда (*посмеиваясь*) они сказали: «А, ну это другое дело. Давай, слезай с лошади!» Он так описывал: стащили его с лошади и стали перевязывать ему руку. Он был как раз из той семьи, откуда и его родная сестра, Софья Гавриловна Бибилова, — это бабушка Екатерины Ивановны Бибиловой, моей прапрапрабабки, на которой женился в январе 1835 года Иван Артемьевич Раевский. А его отец, Артемий Иванович Раевский, был генералом Конногвардейского полка и участником этой войны. Точных сведений у меня о нем, к сожалению, нет. Но то, что он был генерал и служил в Конногвардейском полку, известно. Таким вот образом эта фамилия у нас проявляется, в нашей семейной истории. А третья фамилия — это фамилия Сухово-Кобылиных. Это, может быть, даже странно вам слышать, хотя эта фамилия сейчас как-то очень на слуху.

Д.С.: Нет, очень известная. Был же потом драматург и писатель.

Родство с Сухово-Кобылиными и писателем Е.А. Салиасом

К.Р.: Вот в связи с писателем-то это и известно. Сейчас я поясню, какая связь тут у нас. Отец драматурга и других его братьев, сестер. Это старинный русский род. А их отец, Василий Александрович Сухово-Кобылин, был полковником русской армии, участником Бородинского сражения. И даже не только Бородинского сражения, он участвовал во взятии Парижа, в Париже самом был и потом благополучно вернулся домой. А его сестра, Софья Васильевна, стала одной из родоначальниц нашей семьи. Сейчас

скажу, как это произошло. Брат Елизаветы Васильевны, Александр Васильевич Сухово-Кобылин, драматург, «Свадьба Кречинского» и все прочее — он-то и стал самым знаменитым у нас теперь. Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина упоминается, кстати, в «Былом и думах» Герцена. Упоминается она в связи с тем, что в нее был влюблен профессор истории, ваш коллега, Надеждин.

Д.С.: Тоже очень известный.

К.Р.: Известная фамилия, да.

” Считалось, что все-таки профессор не подходит для девушки из старинной дворянской семьи, и ему не отдавали ее в жены. Он даже хотел ее похитить, и этот эпизод описан у Герцена в «Былом и думах». Она долго колебалась, но в последний момент отказалась, и Надеждин, так сказать, остался не у дел.

Через какое-то время она выходит замуж за француза, который здесь находился. Вот этот момент интересный, потому что я ничего не знаю об этом французе. Он был настоящий француз, даже французский граф, который назывался Анри Салиас де Турнемир. У них были дети, и у них был сын, Евгений Андреевич. А, я неправильно сказал — не Анри, а Андре его звали, потому что Евгений Андреевич. Вот этот Евгений Андреевич, с него уже начинается, так сказать, история более близкая к нам, о которой я уже слышал просто от моей бабушки. Моя бабушка по маминой линии, мать моей мамы, она как раз была дочерью Салиаса, сына Елизаветы Васильевны и этого француза, Андре Салиаса. Он стал писателем, историческим писателем, и очень известным. В начале XX века он входил чуть ли не в первую десятку русских писателей по популярности, по количеству изданий, так сказать, по известности. В наше время, конечно, мало кто слышал про какого-то Салиаса. Тем не менее о нем есть литература. Есть такая книга «Русские писатели», современное издание, и про него там целая статья «Евгений Андреевич Салиас». Еще один момент интересный: еще в советское время вышел очень хороший альбом, который называется «Русский акварельный портрет XIX века». Там очень хороший портрет, предполагается, что кого-то из известных художников, может быть, знаменитого Петра Соколова, портретиста акварельной живописи, где изображен молодой мужчина, красавец, вот этот самый Андре Салиас. Мой прямой предок по этой линии, отец Евгения Андреевича. Евгений Андреевич — не больше не меньше как дедушка моей мамы.

Д.С.: Понятно.

Иван Иванович Раевский (1835-1891)

К.Р.: Евгений Андреевич Салиас — чисто русский уже человек. Он окончил Московский университет и поехал на службу в Тамбов. Очевидно, в аппарат, как сейчас бы сказали, тамбовского губернатора. Он был образованный человек, знал языки. И там даже стал заниматься издательской деятельностью: издавал газету «Тамбовские губернские ведомости». Он там встретил девушку, которая очень ему понравилась и с которой они поженились. Но это случилось не сразу, потому что он был французский гражданин, а тогда браки с иностранцами запрещались. Они поженились в конце концов через какое-то время, может быть, даже лет через десять после того, как началась их совместная жизнь. Такое тоже бывало раньше. Поженились они и венчались в русской церкви, кажется, в Женеве. Ее звали Екатерина Алексеевна Муратова. Сейчас фамилия Муратов тоже на слуху: один из издателей современных газет Дмитрий Муратов такой есть. Время от времени я слышу его по радио. Это фамилия тоже татарского происхождения, я думаю.

Д.С.: Так что, Дмитрий Муратов — родственник ваш?

К.Р.: Нет-нет, не знаю (*смеясь*), я его не спрашивал. Нет, эта фамилия очень распространенная. У меня был товарищ, такой же, как я, фармаколог [с такой фамилией]. Я думаю, что фамилия встречается не так редко в наше время. Никто из них не считает себя татарами или знаменитыми дворянами. Но так, к слову это вспомнилось.

Род Раевских

Д.С.: Вы начали говорить, Кирилл Сергеевич, о Раевских.

К.Р.: О Раевских, да. Давайте вернемся к Раевским.

Д.С.: Буквально пунктирно скажите, откуда этот род. С самого начала, совсем пунктирно.

К.Р.: Род Раевские герба Лебедь, так он называется, происходит от датчанина, которого звали Йесман и который в XII веке приехал на службу в Польшу. И от польского короля Болеслава II Кривоустого получил фамилию Раевский. С этого момента начинается, собственно, историческая точка отсчета этого рода.

Д.С.: Расскажите, пожалуйста, легенду, почему, собственно, Раевский.

К.Р.: Версия такая, что «Раевский» — фамилия, придуманная этим пылким королем Болеславом, возможно, от сочетания слов «Рай» и «Ева». «Рай Евы», как бы образ такой. Так это или не так, доподлинно неизвестно, но фамилия «Раевский» в Польше встречается часто, как мне рассказывали. И там есть разные Раевские, с приставками: в Польше часто бывают двойные фамилии. Есть, например, Дунины-Раевские, есть Скржин-Раевские. И, кстати, один из Раевских, который до недавнего времени был жив, — последний прямой по мужской линии потомок героя Отечественной войны 1812 года Николая Николаевича Раевского. Это человек уже нашего времени, но звали его Георгий Раевский, или, по-французски, Жорж. Он был у нас здесь дома, у нас есть фотография, кстати, где мы с этим Жоржем Раевским и с Маргаритой Дмитриевной сидим на диване, и эту вот фотографию я отправил издателям книги, которая должна выйти, но не знаю, выйдет она когда-нибудь или нет. Воспоминания... не воспоминания, а, собственно, сведения, написанные потомками, о своих предках — участниках войны 1812 года. Там — если она выйдет, эта книжка, — будет фотография, где мы вместе сидим с последним потомком. Почему он последний? Во-первых, он действительно последний, потому что больше из мужчин никого не осталось. Женщины, может быть, и есть, я просто не знаю. Но он не был женат, отец его погиб на фронте. Во время войны, Великой Отечественной войны, он [отец] оказался призван в немецкую армию, такая вот трагедия и историческая казуистика. И он погиб, отец его, а сам этот Жорж не был женат, как я сказал, детей у него не было, то есть продолжения рода не последовало. И несколько лет назад мы узнали, что он погиб от несчастного случая — утонул в Средиземном море во время купания. К сожалению, нам не удалось узнать точной даты его гибели. Но может быть, удастся: у нас есть очень хорошая знакомая, которая регулярно бывает во Франции. Она, собственно, очень помогла нам в смысле общения с этим Георгием Раевским, потому что я не знаю французского языка, Маргарита Дмитриевна тоже не знает, по-английски он не говорил и по-русски не говорил ни одного слова. Это было странно для нас, но потом мы предположили, что может быть — это просто мой домысел — это объясняется тем, что отец его (он 1940 года рождения) погиб, очевидно, в начале 1942 года на территории России. И поскольку во Франции было резко отрицательное отношение ко всему немецкому, а особенно к тем, кого могли обвинить в сотрудничестве с немцами, возможно, они замалчивали всю эту историю, историю его отца, тем более что его не было в живых.

Д.С.: Ну да, это может быть.

Дом в родовом имении Раевских в с. Никитском на Дону Тульской губернии.

К.Р.: Это моя собственная версия. И поэтому его не обучали русскому языку, хотя, в общем-то, обычно... Я со многими встречался... У меня есть троюродная сестра, она тоже, к сожалению, умерла уже, Наташа Хвостова. Она является прямым потомком Хвостова и адмирала Унковского, того же самого Ивана Семеновича Унковского, который является моим прадедом. Отец ее погиб, он был сотрудником Столыпина: был такой известный случай, вы о нем, конечно, слышали. Террористы устроили взрыв дома Столыпина на Октябрьском острове.

Д.С.: На Октябрьском острове, ну конечно.

К.Р.: Там погибло много народу, не имеющего никакого отношения к Столыпину, просто люди пришли с какими-то просьбами, прошениями.

Д. Б.: Нет, там прием был. Но такой, парадный. Там дочка его пострадала.

К.Р.: Дочь пострадала, она стала инвалидом. Сам Столыпин не пострадал, это известно. И вот отец Наташи Хвостовой — не отец, дед — погиб во время этого взрыва. А ее тетка поэтому была пожалована во фрейлины. Она очень милый человек, была у нас здесь. У них был дом в Сергиевом Посаде, куда жена погибшего во время этого взрыва их дедушки переехала. Наташа мне рассказывала, что была в Сергиевом посаде, сейчас дом не сохранился, он разобран. Двухэтажный дом, фотография его сохранилась.

Бабушка и дедушка по отцовской линии. Дружба И.И. Раевского с Л.Н. Толстым

Д.С.: При всей богатейшей истории рода и папы и мамы, скажите немножко о прямых дедушках

и бабушках, и об отце и матери.

К.Р.: Да, сейчас скажу. Дедушек, как известно, у каждого человека бывает два и бабушки, соответственно, две. Эти две семьи, так сказать, породнились, когда мой отец женился на маме. Отец — Сергей Петрович Раевский, а мама — Елена Юрьевна Урусова, княжна Урусова. У меня даже сохранилась бумага официальная, выданная Ярославским Дворянским собранием, где говорится, что Урусовой Елене присваивается дворянское звание. А отец мой из рода Раевских, его отец — Петр Иванович Раевский, а мать — Ольга Ивановна Унковская. Это моя баба Оля, которую я помню и которая спасла мне жизнь, можно сказать, потому что, когда в начале 1935 года моих родителей не стало, то есть они были отправлены в места не столь отдаленные, я остался с бабушкой, иначе меня бы в детский дом определили. Мне три года в это время было. Родителей того времени я не помню, конечно. Единственное мое воспоминание о маме все-таки было, оно было спустя два года. Она сначала содержалась в Верхнеуральском политическом изоляторе, известное довольно место. А потом ее стали переводить в разные тюрьмы: в Ярославской тюрьме она была, потом уже в Москве, очевидно, на Лубянке. И вот тут я перехожу к такому самому печальному месту этой истории. В 1935 году ей было двадцать два года.

Д.С.: Господи, какая молодая!

К.Р.: Она 1912 года [рождения].

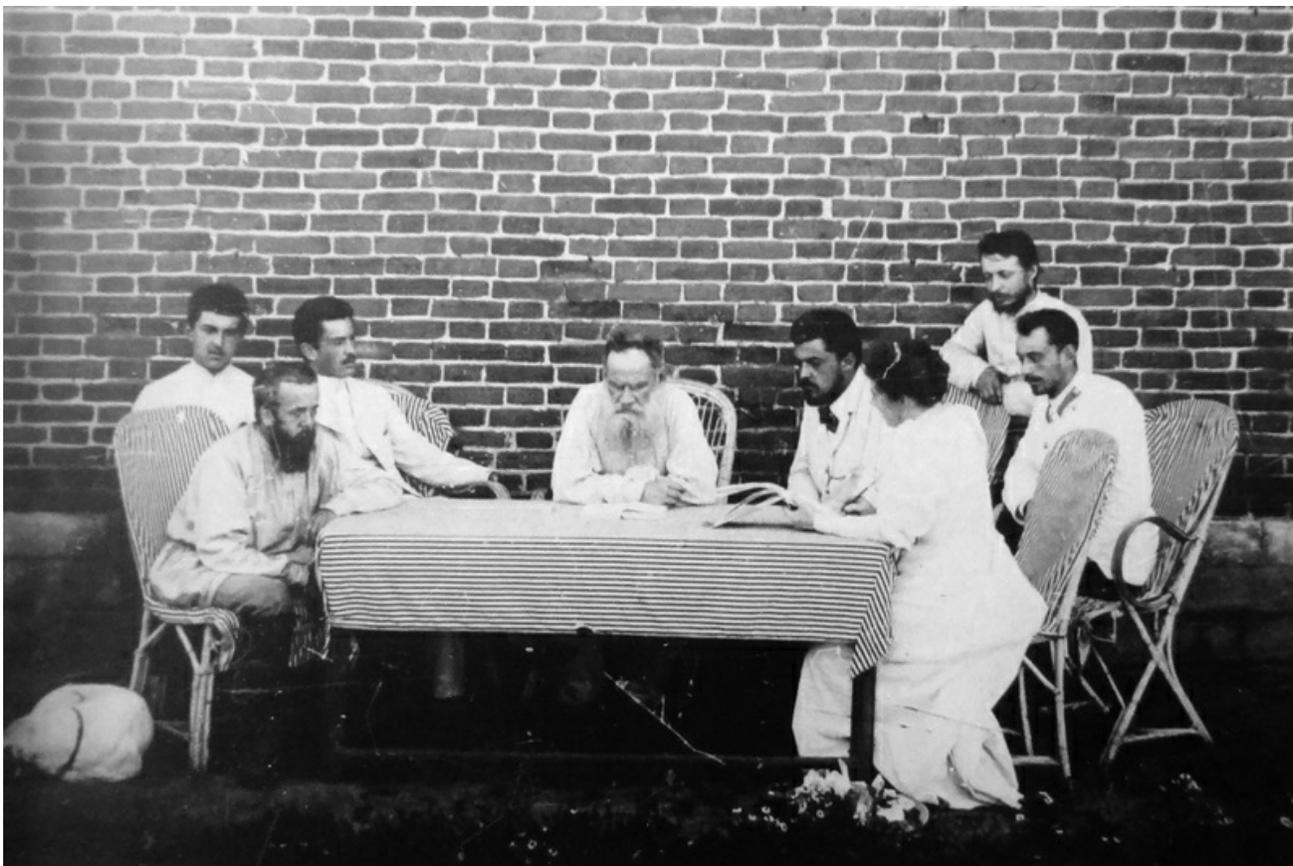
Д.С.: Кирилл Сергеевич, Вы переходите к совсем уже хронологически другому времени. Вы скажите, пожалуйста, вкратце совсем о бабушках и дедушках.

К.Р.: Я начал про бабушку говорить.

Д.С.: Но не переходите тогда на маму, про маму тогда отдельно, ладно?

К.Р.: Ну, не буду. Так вот, бабушка моя, Ольга Ивановна — младшая дочь адмирала Ивана Семеновича Унковского.

Д.С.: Поясните, какого. Того самого, который на фрегате «Паллада»...

Слева-направо: Г. И. Раевский, П. И. Бирюков, П. И. Раевский, Л. Н. Толстой, И. И. Раевский, Т. Л. Толстая, А. М. Новиков, А. В. Цингер. Бегичевка, 1892 год

К.Р.: Да-да, того самого, который был командиром фрегата «Паллада». У них было небольшое имение, они бедные люди были, Унковские. У них было небольшое имение, которое и сейчас существует как заброшенная деревня в Калужской области. Сравнительно недалеко от Калуги, мы там были. И там находится церковь, построенная Иваном Семеновичем, и в церкви есть склеп, где его прах сохраняется, и мраморная доска там лежит. Церковь посещается, там даже его именем названа местная школа: имени адмирала Унковского. Калужские краеведы сохраняют об этом память, так сказать, ведут воспитательную работу среди учеников этой школы. Это что касается бабушки. Бабушка была выслана из Москвы в 1937 году, до 1937 года ее, в общем-то, не трогали.

Д.С.: А кто она была?

К.Р.: Преподавателем английского языка. Детей многих дворянских семей в советское время спасло знание иностранных языков.

Д.С.: Да-да.

К.Р.: Тогда ведь специалистов, подготовленных в советское время, почти не было или было очень мало. И основной состав преподавателей иностранных языков этой эпохи, почти до войны, это были люди из дворянских семей. Не обязательно дворянских, во всяком случае, из образованных семей, которые учились в гимназиях, в институтах женских. Такой была и моя бабушка. Она очень успешно преподавала в Институте стали, он и сейчас существует, тогда он назывался «Институт стали имени Сталина». Такое вот сочетание (*усмехаясь*). Несмотря на это страшное название, бабушка там вполне благополучно работала, и ее студенты очень любили. Я даже помню, что студенты приезжали с ней общаться. Она, видно, проявляла большой энтузиазм, очень любила студентов, занятия эти и не щадила, так сказать,

времени и сил, чтобы им преподносить знания. Ее муж, дедушка мой, о нем тоже надо сказать, родился в семье Ивана Ивановича Раевского, близкого друга Льва Николаевича Толстого.

” С Толстым они были на «ты», хотя известно, что Толстой очень мало с кем был на «ты» — он достаточно замкнутый был человек. А Ивана Ивановича он считал своим личным другом.

Я даже написал небольшой очерк об Иване Ивановиче: «Иван Иванович Раевский — друг Толстого». Он был опубликован в книжке, «Яснополянский сборник» называется, по-моему, 1962 года: было 150 лет со дня Бородинского сражения. Тогда тоже это отмечалось, в 1962 году, ровно пятьдесят лет назад. Иван Иванович был во многих отношениях замечательный человек. Он кончил Московский университет, вам как представителю Московского университета это, наверное, интересно. И это не так часто бывало. Дети из дворянских семей не часто, надо сказать, попадали в университет. А он там обучался и потом стал заниматься хозяйством, земской деятельностью, был предводителем дворянства Епифанского уезда: их имение находилось в Епифанском уезде. Это небольшое скромное имение, я там тоже бывал с моим отцом. И там до сих пор, хотя прошло много-много лет, помнят Раевских. Его заслуга еще отмечена, так сказать, в истории. Начался голод в это время, в 1891–1893 годах, который охватил большие территории Тульской губернии и смежных, Калужской и еще какой-то. Иван Иванович, мой прадед, поехал в Ясную Поляну, хотя они на довольно-таки большом расстоянии находились друг от друга, их имения. Он предложил Толстому оказывать помощь голодающим. Толстой, надо сказать, включился очень активно в эту деятельность, стал писать статьи, и в русские газеты, и в иностранные. Началась очень большая кампания, стали приезжать в Ясную Поляну, и не только в Ясную Поляну, но и в Бегичевку, имение моего деда, где Толстой поселился в это время. Дом долгое время сохранялся, сейчас он, по-моему, разрушился окончательно, только осталась фотография у нас. А когда я был студентом, я не так далеко проходил практику и ездил туда на велосипеде, посетил этот дом. Там же была больница, в которой дед мой Петр Иванович Раевский работал врачом. Этот дом оказался центром, штаб-квартирой, что ли, общественного движения помощи голодающим. На эту тему даже есть книжка, автор ее Величкина, была такая общественная деятельница до революции. Книжка, может быть, 1910 года издания, может быть, 1912-го. Конечно, имя Толстого помогло тому, чтобы собрать значительные средства. Туда приезжали корреспонденты разных газет, в том числе иностранных. И развернули широкую кампанию помощи. Помощь эта была организована посредством организации столовых, где кормили людей. Было решено, и это было оправдано, очевидно, что это наиболее дешевый способ — именно кормить людей. Не просто раздавать хлеб, а кормить обедами. Всех они, конечно, не могли охватить. Считалось первоначально, что дети и старики должны быть охвачены. Это все было сделано. Причем в этом участвовали и дети Ивана Ивановича. Он в это время как раз умер. Поехал скупать хлеб, и была очень плохая погода, в конце ноября это было 1891 года, и по дороге заболел, как это называлось тогда, испанкой, то есть гриппом, по современной терминологии. Очень тяжело протекал этот грипп, и Толстой, собственно, присутствовал при его кончине. А жил Толстой в комнате самого Ивана Ивановича, в его кабинете. Была самая лучшая комната там, в этом доме, и он там умер, Иван Иванович. Я случайно встретился с описанием этого эпизода, когда как-то оказался в гостях у Кавериных. Дело в том, что...

Д.С.: У Николая Вениаминовича?

П. И. Раевский и О. И. Унковская. 1900 год

К.Р.: У Николая Вениаминовича, да. Мы с ним учились вместе, с Колей Кавериним, а потом работали много лет вместе с его сестрой, Натальей Вениаминовной, которая сейчас еще здравствует, ей будет в декабре 88 лет. Коля нас всех пригласил, всю нашу группу на встречу Нового, по-моему, 1957 года. Во время одного из посещений мне попалась книга — переписка Толстого с Софьей Андреевной. Она существует, конечно, эта книга, просто раньше она мне не попадалась. И я там случайно раскрыл страницу, где Толстой пишет Софье Андреевне о том, что вот сейчас при смерти находится такой замечательный человек, Иван Иванович Раевский. И Толстой написал некролог, который опубликован в полном (юбилейном) собрании, 90-томном, что ли. Его легко найти, «Иван Иванович Раевский», так и называется. Толстой там ему очень высокую оценку дает. Они знакомы были с молодых лет и близки были очень духовно, очевидно. У нас тут, Маргарита Дмитриевна вам покажет, висит фотография, довольно известная. Эта фотография была помещена в нашем учебнике истории за восьмой класс: «Толстой и его помощники по организации помощи голодающим». На этой фотографии, кроме Толстого, все три брата, сыновья Ивана Ивановича, и там же Бирюков, известный описатель жизни Толстого, биограф, собственно, Толстого. Там же есть Татьяна Львовна Толстая, которая сидит спиной к фотоаппарату и рисует, очевидно: она художница была. Ну и несколько человек еще, двоюродный брат моего деда Александр Васильевич Цингер, физик, его учебник физики пользовался очень большим успехом до революции. Он сам его издал, это так можно было: самому издать.

Д.С.: Это вы применительно к Ивану Ивановичу Раевскому?

К.Р.: Это я про Ивана Ивановича рассказываю, да. Это я вспомнил о последних днях его жизни.

Д.С.: А бабушка — та, которая вас спасала, когда не было ваших родителей, — его жена?

К.Р.: Нет-нет, не жена.

Д.С.: Или его дочка?

К.Р.: Та бабушка — его невестка, жена его сына, Петра Ивановича, моего деда. Иван Иванович — мой прадед.

Д.С.: Все понятно.

К.Р.: Я сделал ошибку: вы просили с дедушек начать, а я начал с прадедушки.

Д.С.: Нет-нет, я понимаю: у вас каждая личность будет эпохой.

К.Р.: Ну, это преувеличение, конечно, но Иван Иванович, я считаю, был выдающейся личностью. Не потому, что он был другом Толстого, хотя, может быть, он другом-то стал именно поэтому.

<...> Меня время от времени навещают мои сотрудники, сейчас их мало уже осталось. Лаборатория существует еще моя. Вот если перескочить к современности, то в 1975 году я основал в нашем институте... Институт называется Научно-исследовательский институт фармакологии Российской академии медицинских наук имени В. В. Закусова. Василий Васильевич Закусов — мой учитель, который основал этот институт и много лет его возглавлял. Он умер в 1986 году, Василий Васильевич. Он был ленинградец, ученик ленинградской школы фармакологической. Очень гостеприимный человек, очень любил всех своих учеников, часто собирал нас у себя дома, Новый год было принято у него встречать. Такой русский хлебосол, можно сказать. И эту традицию Маргарита Дмитриевна тоже восприняла. У нас тут, вот в этой комнате, тоже часто собирался народ, но в основном наши родственники.

Род Урусовых. Бабушка и дедушка по материнской линии

<...> Я говорил перед этим об Ольге Ивановне, а бабушка с маминой стороны — Евдокия Евгеньевна Урусова. У меня есть документ, я уже упоминал об этом, свидетельство о рождении моей мамы. Очень серьезный документ, на большом листе, где красивым каллиграфическим почерком написаны сведения о родившейся: «Елена Юрьевна Урусова». Сведения о родителях: «Потомственный дворянин князь Юрий Дмитриевич Урусов, потомственная дворянка княгиня Евдокия Евгеньевна Урусова».

Д.С.: Немножко о семье Урусовых скажите, пожалуйста.

К.Р.: О семье Урусовых? Я не так много о них знаю, между прочим. Это большая семья, их там было несколько братьев.

Д.С.: Нет-нет, я имею в виду род Урусовых. Это Едигеевичи, да?

Последняя фотография П. И. Раевского. 1916 год

К.Р.: А, об этом мы говорили просто так, устно, без записи. Урусовы так обозначены в современных изданиях: русский дворянский род, княжеский род татарского происхождения. Считается, что родоначальником рода был сподвижник Тамерлана военачальник Едигей Мангит. Это относится, очевидно, к XIII веку. Урусовы в Смутное время, то есть в начале XVII века, присоединились к Русскому государству и приняли российское подданство. И вскоре, благодаря, очевидно, своим способностям личным и деловым качествам, они укрепились и заняли, соответственно, почетные места.

Д.С.: Тогда, собственно, это был способ привлечения на русскую службу всех соседних знатных фамилий, и в данном случае это, видимо, было связано с покорением Казани? Там были Урусовы?

К.Р.: Да нет, не знаю даже.

Д.С.: Это и неважно для нашего разговора сейчас.

К.Р.: Дело в том, что татарские владения располагались очень близко от Москвы. Это сейчас кажется странным, на самом деле так и было. Например, Белопесоцкий монастырь, который находится на берегу Оки, около Коломны, это монастырь, основанный в 1500 году, то есть еще до Ивана Грозного. И эти земли принадлежали в то время татарскому хану.

Д.С.: Ну да.

К.Р.: На этом месте был построен монастырь, а в монастыре, спустя уже двести с лишним лет, — церкви,

одна из которых построена при участии Раевских. В этой церкви похоронены двое из братьев Артемия Ивановича Раевского, моего прапрапрадеда, — Михаил и Иван.

Д.С.: Понятно: древний род Урусовых, в Смутное время они пришли...

К.Р.: Да, пришли на службу к русскому царю, так можно сказать. Им сохранили их княжеское происхождение, и они стали называться уже русскими князьями. Считалось, что они происходят из ногайцев. Была такая Ногайская орда, она занимала очень большие территории, насколько я понимаю. Подробностей я не знаю, но так мне представляется. Особенность их была в том, что у них не было, собственно говоря, богатства, каких-то земель особенных. И они стали так называемыми служилыми людьми. Они становились начальниками, губернаторами многие были. Люди, очевидно, очень энергичные, дисциплинированные, преданные российскому престолу, как тогда говорили. Они эту традицию семейную продолжали до самой революции, и поэтому в свидетельстве о рождении моей мамы указано, что она княжна Урусова. И указаны ее отец и мать.

Д.С.: А Урусовым думский деятель кем приходился?

К.Р.: Там было много Урусовых... Я не знаю, кто именно этот земский деятель.

Д.С.: Отец вашей матери кто был?

К.Р.: Адвокат. Он кончил юридический факультет Петербургского университета и служил адвокатом. Сначала в Москве, во время Первой мировой войны — в Могилеве, где была ставка Верховного главнокомандующего. Одно время был на юге, в Ялте служил адвокатом.

Д.С.: А близость к Верховному главнокомандующему ему что дала?

К.Р.: Да ничего не дала. Тогда как было принято: если там был государь, все ходили в храм, на регулярные службы. На этих службах они вместе находились, общались, и это не значит, что они вместе чай пили, а просто означает, что такое небольшое придворное окружение возникало. В связи с тем, что именно здесь находился Верховный главнокомандующий. Никакого влияния для служебного продвижения это не имело. Тем более вскоре после этого, практически сразу, произошла Февральская революция, которая отменила все сословные привилегии. И они уже даже перестали называться князьями или графами. Урусовы были князья. Тут я могу вспомнить один смешной эпизод, так сказать, пример бедности, в которой они находились. Один из Урусовых разорился и попал в долговую яму, один из братьев моего деда. Был осужден и сидел в тюрьме. Когда произошла революция, его пришли освобождать и показали ему бумагу, где он должен был расписаться. И он расписался: потомственный дворянин князь Урусов. Тогда люди, которые пришли — это уже были красногвардейцы, — сказали: «Нет, это не годится». А тот сказал: «Как не годится? Не вы мне давали это звание, я только так подпишусь». Они его опять посадили тогда, не выпустили из тюрьмы. *(Смеется.)* Вот такие курьезы, мелочи, которые, мне кажется, интересны...

Д.С.: Да, это характерно.

Иван Иванович и Ольга Ивановна Раевские.

К.Р.: Вот вы говорите о живой истории — это и есть живая история. Потом, конечно, его освободили, потому что он ни в чем не был виноват. Долг ему, наверное, простили, я думаю. Так это и в наше время бывает. Так вот, возвращаясь к бабушке. Бабушка, мама моей матери — Евдокия Евгеньевна Уурсова, княгиня Уурсова, так она называлась и так она записана в документах, в частности, в свидетельстве о рождении моей мамы, о котором я упоминал. По рождению она называлась графиня Салиас де Турнемир, то есть по отцу. Мать-то ее была Муратова, о которой я мельком сказал. Я, к сожалению, даже не знаю, была ли она дворянкой. Вполне возможно, что была, но мне не удалось это установить, не было случая. В принципе, это установить, конечно, можно — надо запросить Дворянское собрание, узнать, был ли этот Алексей Муратов [дворянином]. Про него только известно, что он был житель города Тамбова. Да, еще было известно, что у него был собственный дом в Тамбове. Но это ничего не доказывает, он мог быть горожанином, даже довольно богатым. А он прямой предок получается мой.

Д.С.: Бабушка?..

Арест и гибель матери. «Кремлевское дело»

К.Р.: Бабушка Евдокия Евгеньевна была в своем роде замечательный человек, по-видимому, очень способный. И не только к языкам, но и вообще имела хорошее образование, она кончила Высшие женские курсы, единственная из женщин этого поколения в нашей семье и наших знакомых. Это говорит

о том, что она была очень любознательна и стремилась к тому, чтобы получить хорошее образование. Тем не менее она никак этим не могла воспользоваться. Во-первых, у нее было пятеро детей.

Д.С.: Пятеро!

К.Р.: И она вынуждена была заниматься домом. Моей маме в момент революции было только четыре года, им пришлось довольно трудно. Собственно, они в полную бедность впали, потому что, я уже говорил, имения никакого у них не было.

Д.С.: А мама какого года рождения?

К.Р.: 1913-го. На будущий год столетие со дня ее рождения. И жизнь ее была такой короткой. Она родилась в 1913 году. Число 13, хотя я никогда не верил в его несчастливый знак, оказалось роковым для жизни моей мамы: она родилась в 1913 году и 13 июля 1937 года была приговорена Военной коллегией Верховного суда к высшей мере наказания, как это тогда называлось, и погибла. В тот же самый день. О ней написано в книге, изданной обществом «Мемориал», в числе людей, погибших в эти годы, в 1937-м, 1938-м, 1939 годах.

Д.С.: На Бутовском полигоне?

К.Р.: Нет, не на Бутовском.

Д.С.: А где?

К.Р.: Там не сказано. Но знающие люди в обществе «Мемориал» сказали мне, что... Просто я уже не имею возможности туда попасть, а так они интересовались, просили... я даже задолжник у них. Я должен был им передать фотографию мамы, но не успел. Может быть, мы с вашей помощью это сделаем... Тридцать седьмой год — это конец ее жизни. 13 июля ее не стало, а 25-го ей должно было исполниться двадцать четыре года.

Д.С.: Кошмар какой.

К.Р.: Из двадцати четырех лет своей жизни она, с начала 1935-го, два с половиной года провела в тюрьме. Дело в том, что родители людей, оказавшихся в заключении, тоже стали подвергаться гонениям. Ну, это в принципе известно. Моя бабушка, мама моего отца, Раевская, была выслана из Москвы, я уже об этом сказал. Мы вместе с ней отбыли в Сибирь, в Омскую область, в село Муромцево.

Д.С.: Вас именно туда отправили или это был ваш выбор?

К.Р.: Я не знаю, был ли какой-то выбор.

Д.С.: Бабушкин в смысле?

Лена Урусова и Сергей Раевский.

К.Р.: Бабушка об этом никогда не говорила. Может быть, была какая-то возможность выбора. Это не было тюремным заключением, это была ссылка. Высылка из Москвы. Была такая политика: все неблагонадежные люди — а все дворяне были признаны неблагонадежными, тем более те, у которых близкие родственники были арестованы, — были высланы. Так и я оказался ссыльным, хотя меня, конечно, не арестовывали и не принуждали ни к чему.

Д.С.: Ну, не было бы бабушки, отправили бы в детский дом.

К.Р.: В детский дом бы отправили. А там что было бы, это уж неизвестно. Но так случилось, что я с бабушкой поехал. Правда, за мной довольно скоро приехала моя тетушка. Я ей благодарен очень за то, что она, молодая совсем женщина, недавно вышедшая замуж за брата моего отца, Михаила Петровича Раевского, [за мной приехала]. Их сын и сейчас существует, собственно, единственный мой родственник из этой семьи, Петр Михайлович Раевский. Он тоже кончил медицинский институт и работал научным сотрудником в области экспериментальной онкологии. Она [тетушка] привезла меня в Москву.

Д.С.: То есть вы совсем недолго были?

К.Р.: Да, два-три месяца всего.

Д.С.: А вы помните это?

К.Р.: Смутно, но помню, как мы ехали на машине, на грузовике, какая-то группа людей.

Д.С.: А исчезновение папы и мамы помните?

К.Р.: Нет, это не помню, тут мне было только три года, а то, что я помню, — это уже мне пять лет.

Д.С.: Понятно. Расскажите тогда о судьбе мамы, потому что мы говорили без камеры о том, где она работала, в чем была причина ареста.

К.Р.: Причина ареста — это история целая.

Д.С.: Вообще о маме, где она училась?

К.Р.: Мама училась просто в школе, причем школа эта до сих пор существует, это 57-я школа.

Д.С.: О, известная. Математическая теперь.

К.Р.: Эту школу кончил мой сын, между прочим. Но это случайно получилось, просто мы хотели, чтобы он в математическую школу поступил. Сначала он в английской учился, но там английский преподавался бездарно, и это ему, в общем-то, не помогло, а в математическую он поступил. Эта школа находится как бы на задворках Музея изобразительных искусств, на параллельной улице, которая называлась раньше Маркса и Энгельса. Она шла позади, так сказать, Ленинской библиотеки, пересекала Воздвиженку и продолжалась дальше.

Д.С.: А, ну это Староваганьковский теперь переулок.

К.Р.: Староваганьковский называется? Да-да, Староваганьковский переулок, правильно. Я вспомнил, что видел это название. В мое время она называлась, в недавнее мое время, улица Маркса и Энгельса, потому что в этом здании, во дворце, который находится позади Музея изобразительных искусств, был Институт Маркса — Энгельса. Раньше он назывался Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, потом Сталина убрали, Маркса, Энгельса и Ленина, может, просто Маркса и Энгельса, я не знаю. Курьез заключается в том, что впоследствии, в течение нескольких лет, это здание было сдано в аренду Дворянскому собранию. Я был членом Дворянского собрания, я и сейчас, собственно, формально состою в этом Дворянском собрании, это называется сейчас Союз потомков Российского Дворянства. Мой отец принимал участие в организации Дворянского собрания. Вот, мама кончила эту школу, по-моему, восемь классов всего. Дальнейшего пути развития у нее никакого не было, ее как дворянку в институт бы никакой не приняли, такие тогда были правила. И она по протекции своих родителей... Особенность ее семьи заключалась в том, что они относились к либеральной прослойке московского дворянства. Многие их знакомые — например, Николай Александрович Семашко — были друзьями их семьи. А Семашко был революционер, большевик ленинского призыва.

Д.С.: Ну да, связанный с Лениным конечно.

К.Р.: Да, и был наркомом здравоохранения.

Д.С.: Первым.

К.Р.: Первым наркомом здравоохранения. И его дочь, Лена Семашко, была подругой старшей сестры моей мамы. Евдокия Юрьевна Урусова была народной артисткой России. Она умерла несколько лет назад. Это очень близкий для нас был человек, замечательная женщина, тетя Эда мы ее звали. Ее сценическое имя было Эда Урусова. И мой двоюродный брат, ее сын, издал книгу о ней.

К.Р.: Мы с вами уже к трем часам, наверное, приближаемся, да?

Д.С.: Пора заканчивать?

К.Р.: Да, наверное... Маргарита Дмитриевна не очень хорошо себя чувствует, ей нужно дать отдых. Закончим мы, я думаю, на том, что я скажу, чем этот предвоенный период кончился в нашей семье. Значит, я был в Муромцеве, в омской ссылке. А мой дядя был очень успешным человеком — доцентом

МИИТа, Московского института инженеров транспорта, очень важный был вуз. Дядя был награжден орденом, тогда даже был такой термин — «орденоносец». Когда он носил орден и входил, скажем, в вагон метро, люди на него смотрели, тем более что он еще был хорош собой. Он незадолго до этого женился, и его молодая жена, тетя Наташа, поехала за мной. Я до сих пор ей благодарен, ее памяти: ее давно уже нет в живых. Она меня привезла оттуда. Бабушка через короткое время перенесла инсульт, и этот мой дядя-орденоносец добился, чтобы ей разрешили вернуться, поскольку она уже была тяжело больна, инвалид. Он сам за ней поехал и вернул ее в Москву. У нас была маленькая комната на первом этаже, недалеко от площади Маяковского, во дворе находилась фабрика «Дукат». Такое вот место, где впоследствии я пошел в школу.

Д.С.: Фабрика «Дукат» — это вот прямо на Садовом...

К.Р.: Практически да, второй ряд домов.

Д.С.: Да-да. И там улица, как она называется?

К.Р.: Сейчас вспомню. Тверская-Ямская. А переулок назывался 2-й Тверской-Ямской переулок. Вот эта улица, которая шла со стороны площади Маяковского и упиралась в улицу Красина. На этом месте, где она упиралась в улицу Красина, была керосиновая лавка, куда мы ходили за керосином...

Д.С.: Если сможете, про маму закончите сейчас.

К.Р.: Вот про маму, да. Ну что я могу про нее сказать?!

Д.С.: Вы закончили на том, что ее по протекции семьи отправили...

К.Р.: Отправили в библиотеку Института красной профессуры. Так судьба сложилась, она уж тут не виновата. Да, почему я про протекцию семьи сказал. Вот я упомянул Наташу Семашко. Дело в том, что у Урусовых была черта, с моей точки зрения, не очень хорошая, хотя практическая ситуация жизненная в общем-то оправдывала такое поведение. Они стремились как-то укрепить свои связи с властью имущими или близкими к власти имущим. Семашко, конечно, не был близким другом, но были еще некоторые деятели. Например, был человек, сейчас забыл его фамилию, который активно занимался Курской магнитной аномалией, тоже из старых большевиков. И они были с ним хорошо знакомы. Тогда и на работу трудно было устроиться. Мой отец уже в это время должен был работать, он школу кончил, приехал из Сергиева Посада. Ему надо было на работу устроиться, и мой дядя, мамин старший брат, по протекции своего дяди, вот этого Сергея Дмитриевича Урусова, о котором я говорил, получил назначение на работу в Курскую магнитную аномалию. В это время была безработица, и просто так устроиться на работу было нельзя, моего отца тоже туда взяли. Они поехали, первая их работа была, дяди Никиты и моего отца, на Курской магнитной аномалии, так называемой КМА. Один из основателей этого КМА был Губкин, тот самый Губкин, не знаю, как его по имени-отчеству, именем которого назван институт московский. Я думаю, ясно, какая ситуация сложилась: у родни моей мамы были связи с деятелями новой власти, к которым относился Семашко, Губкин, еще некоторые люди. И они пытались воспользоваться какими-то привилегиями. В том числе моей маме, например, когда возникла возможность перейти вместе с библиотекой, где она была, под управление Кремля, что на самом деле было сопряжено с большой опасностью и было большой ошибкой, строго говоря. Несмотря на то что Урусовы люди умные, они недооценили этой опасности. Это произошло в 1933 году. Может быть, опасность не была еще столь очевидной. Хотя после 1931 года — 1931-й же был таким, в чем-то переломным.

Д.С.: 1929-й.

К.Р.: Начиная даже с более раннего времени, но все-таки до 1930 года это все еще не так было. А вот 1931-й, 1932-й, 1933-й — это уже начались массовые высылки, что называется бывших, дворян попросту говоря, или связанных со старой интеллигенцией. И тем не менее они [Урусовы] на семейном совете решили, что нужно, чтобы Лёна (дома мою маму звали Лёна), раз уж она работает в этой библиотеке, пошла туда. На самом деле надо было, конечно, — это уж я так сейчас рассуждаю — надо было ни в коем случае ее туда не пускать. В 1957 году, когда получил документ о ее реабилитации, я пошел в приемную Верховного совета, тогда это уже был Верховный совет, чтобы подать документы на то, что полагалось в связи с реабилитацией. И это было все сделано. Официальные справки о реабилитации были выданы именно там. Формально это было в прокуратуре московской, что ли, не помню точно, но толчок был оттуда. Справка с места работы, что называется, была получена на углу Воздвиженки и Моховой, в здании, знаете, напротив башни Кутафьей?

Д.С.: Конечно.

К.Р.: Это здание со времен революции, наверное, принадлежало правительственным организациям.

Д.С.: Там приемная Калинина была.

К.Р.: Вот-вот. То есть это уже правительственные здания были.

Д.С.: И она проработала в библиотеке?..

К.Р.: Она перешла... Территориально я даже не знаю, где это.

К.Р.: Мы ничего не знали тогда о судьбе мамы.

Даже когда в 1957 году прошла реабилитация, там ничего не было сказано о том, какой приговор, ничего. А приговор на самом деле назывался «10 лет без права переписки», но это был эзопов язык, который был принят тогда, в советское время.

На самом деле моему отцу даже фактически намекнули на это, когда он пытался что-то узнать. Одна женщина, которая была в какой-то момент вместе с мамой, сказала отцу: «Вы должны знать, что ваша жена отправилась туда, откуда возвращенья нет». Но это позже было.

Д.С.: Вы все-таки скажите, чтобы поставить точку. Она работала в библиотеке, которая...

К.Р.: В библиотеке, да, работала в библиотеке. Да, чтобы поставить точку. Первого декабря 1934 года, как мы все знаем, состоялось такое событие, как убийство Сергея Мироновича Кирова. И это вызвало довольно бурную реакцию, которая была использована властями как способ для проведения очень широких репрессий. Это все последовательно развивалось, но уже в январе коснулось моей мамы. Она была арестована. Сначала только она была арестована и какой-то круг людей, которых я не знаю и не знал.

Д.С.: Формальное обвинение какое-то было?

К.Р.: Формальное обвинение не знаю какое, я решения этого формального не знаю. Но был суд, летом 1935 года, и на этом суде... Тут надо вот как сказать. Это все было оформлено соответствующими организациями как «кремлевское дело». «Кремлевское дело» можно найти в интернете, где угодно, и в энциклопедии, наверное. Во всяком случае, это был открытый процесс, в котором фигурировали люди, работавшие в Кремле, в аппарате кремлевском. И они, часть из них, были обвинены в контрреволюционной деятельности, а несколько человек приговорены к смертной казни. Многие были арестованы, там были и военные, из охраны Кремля, очевидно. Но были люди типа моей мамы, то есть рядовые служащие. Какая-то девушка-уборщица, из деревни приехавшая незадолго и работавшая там же, в библиотеке, тоже была арестована. И многие другие. И сотрудники библиотеки. Как там дальше развивалось, трудно сказать, но об этом подробно можно прочитать в «Известиях ЦК КПСС» — такой журнал при Горбачеве выходил. Он у меня где-то был, но вы его легко найдете даже в вашей библиотеке, наверное. «Известия ЦК КПСС», «кремлевское дело».

Д.С.: У меня вопрос такой: где ее арестовали, была ли с ней какая-то связь?

К.Р.: Нет, связи не было.

Д.С.: А как арестовали?

К.Р.: Арестовали ее дома. Я дату точную не знаю, было это при мне, наверное, но я спал, ночью же аресты происходили. Ее арестовали, и ничего про нее не было известно. Мне, по крайней мере, никто ничего не говорил. Правда, у меня есть воспоминания моей бабушки, Евдокии Евгеньевны Урусовой, написанные в форме писем к дочери, к маме моей. Но это как бы ее дневник, что ли. Связи никакой не было, а ее отец ведь был писатель, и у нее этот талант тоже проявился, литературный. Она была, в общем-то, способным очень человеком, бабушка. Баба Додя мы ее звали. Евдокия у них сокращенно называлась Додя. Племянники, племянницы звали ее тетя Додя. Это довольно толстая папка не папка, в общем, рукопись. Она пишет на протяжении нескольких лет, ей осталось жить, собственно говоря, два года. Нет, не два года, в 1935 году маму арестовали, а бабушка в 1938-м была выслана из Москвы в Южный Казахстан, на границу с Киргизией, даже одно время это, кажется, была Киргизия, потому что бабушка называла это место Киргизией. Такое, в общем, место, где она и умерла, от опухоли, онкология у нее была.

Д.С.: В каком году бабушка умерла?

К.Р.: В 1938-м или 1939-м, я не знаю.

Д.С.: Евдокия Евгеньевна?

К.Р.: Да-да, Евдокия Евгеньевна, мама моей мамы, дочь писателя Салиаса.

Д.С.: Но вы ее хорошо помните?

О. И. Раевская с внуком Кириллом.

К.Р.: Я-то ее хорошо помню, она была арестована только в 1938 году, и уже даже не столько в связи с арестом моей мамы, сколько потому, что в 1938 году возникло дело Ермоловского театра. А в Ермоловском театре работала старшая сестра моей мамы, Евдокия Урусова, тетя Эда. (*Молчит.*) И [бабушку арестовали] после того, как арестовали эту ее дочь, сестру моей мамы. Мама в это время находилась, первые два года, с 1935-го по 1937 год, в Верхнеуральском политизоляторе, как он назывался. Это тюрьма была, куда попадали такие, идеологические, революционеры в прошлом и сочувствующие им, так сказать. Члены ЦК там были. Например, такой член ЦК Смилга. Фамилия известная.

Д.С.: Ну конечно.

К.Р.: Вот он там был, в этом самом Верхнеуральске, и мама с ним лично была знакома и даже хорошие отношения поддерживала. Но она совершенно юная была, конечно, приятная, наверное.

Д.С.: Скажите, сколько ей лет было, двадцать?

К.Р.: В январе она была арестована, но туда попала, в Верхнеуральск, наверное, после суда, а суд был летом 1935 года. В 1935 году ей исполнилось двадцать два года.

Д.С.: С ума сойти. А где она была расстреляна?

К.Р.: Нет, тут до расстрела еще два года прошло. Но вот где она была расстреляна, точно неизвестно, потому что, я говорил, никто не сообщал об этом. Только в горбачевское время этим активно занималась комиссия при ЦК, которую...

Д.С.: То есть вы этого не знаете?

К.Р.: Я этого не знаю, но по данным общества «Мемориал», документально не подтвержденным, — они-то знали места расстрелов — Бутовский полигон они знали, конечно, и Коммунарку знаменитую... Они мне сказали, в этом обществе, по-видимому, ориентируясь на точную дату — 13 июля 1937 года — что расстрелы этих людей происходили чуть ли не прямо на территории Кремля или какого-то подвала, который вел... Вы знаете здание, где находилась Верховная коллегия Военного суда?

Д.С.: На Никольской?

К.Р.: Да-да! Вот это самое. Там был подземный ход, который соединялся с Кремлем. Версия такая есть, что расстрелы эти происходили непосредственно в подвале этого здания на Никольской. Люди из «Мемориала» сказали, что даже им не удастся узнать многие вещи. Например, кто расстреливал, никто не знает, скрывают это все.

Д.С.: Ну понятно.

К.Р.: До сих пор скрывают, хотя есть версия, что вроде бы кто-то из охраны, там были специальные люди, которые входили в охрану, не то чтобы призывали специальных людей откуда-то, а именно тех, кто там служил, при коллегии Верховного суда. Но точно не известно.

Д.С.: А про мамин быт в Верхнеуральске?

К.Р.: Есть материал об этом, потому что была переписка разрешена между 1935 годом, июлем 1935 года и декабрем 1936-го, полтора года была разрешена переписка. Мама переписывалась со своей матерью, бабой Додей моей. И эта переписка существует. Мы можем пойти в мою комнату, и я вам покажу, что там есть. Письма моей мамы, которая писала каждую неделю своей матери, и письма моей бабушки к матери, и такой, я уже говорил вам, дневник моей бабушки Евдокии Евгеньевны, который составлен в форме писем к дочери. Она описывает текущую жизнь, события, пишет о том, что арестована также ее сестра, но это уже в 1938 году, и выслана куда-то в Восточную Сибирь, на лесозаготовках работает. И про меня, конечно, пишет довольно подробно. Главная ее цель была, чтобы все-таки рассказать что-то обо мне, потому что я был единственным маминим ребенком, первенцем, ее интересовала моя судьба. Бабушка считала своим долгом наиболее подробно описывать, что ей известно обо мне. Я-то жил с другой бабушкой, с папиной матерью, Раевской. Но Урусовы, они знали, что мне там хорошо, что ко мне хорошо очень относятся, меня очень любили. Бабушка Ольга Ивановна, которая преподавала английский язык, она была моим попечителем, воспитателем до того как ее выслали в Омскую область. Когда она вернулась, она уже была парализованной и не могла, конечно, уже ничем мне помочь. Но меня взяла тогда к себе ее старшая дочь Екатерина Петровна Самарина, старшая сестра моего отца, которая прожила большую жизнь. Для нас очень дорогой человек: она меня воспитала, вырастила и воспитала, она же вырастила и нашего сына, вашего тезку, который сейчас в Америке, и кроме того, нашего внука даже...

Д.С.: Ого!

К.Р.:... Ваню, который родился в 1979 году. Ей было уже семьдесят восемь лет, она 1901 года рождения. Тем не менее она нашла в себе силы маленького мальчика этого взять. Она просто вместе с нами жила, но очень много вложила в воспитание нашего сына. И до самой своей смерти она продолжала это делать, и он ее очень любил. Она умерла в 1990 году, прожила большую жизнь — семьдесят девять лет ей было, когда она умерла. Так что благодаря двум бабушкам и тетушке моей, Екатерине Петровне, моя жизнь состоялась до уже взрослого моего возраста.

Д.С.: Давайте на этом завершим.

К.Р.: Да, можно остановиться. Я не очень себе представляю ваших возможностей временных, я-то, в общем, довольно свободный человек, единственное для меня ограничение — это то, что я не могу каждый день заниматься, и вы, наверное, не можете. Ну, скажем, раз в неделю мы могли бы встречаться.

Д.С.: Да, Кирилл Сергеевич, я готов на следующей неделе к вам приехать, когда это будет удобно.

